

УДК 159.9(091)
ББК Ю91(2)1

ВОСПИТАТЕЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ РОЛЬ ХАНТЫЙСКОЙ ИГРУШКИ В ФОРМИРОВАНИИ РЕБЕНКА КАК ЧЛЕНА ОБЩЕСТВА

В. И. Прокопенко

Важным элементом игровых воспитательно-образовательных средств народа ханты является национальная игрушка. Народы Севера были убеждены, что предложенные детям игрушки, определяющие склонности человека на всю его жизнь и их роль, вроде бы незаметная, оказывает огромное влияние на формирование у ребенка первого и самого ответственного этапа познания жизни. Учитывая тот факт, что игрушка – социальное явление, посредством которой у ребенка проявляется творческая деятельность, смело можно сказать, что она как специальный предмет игры – проявление человеческой культуры, и ее появление связано с развитием человеческого общества. Уже давно доказано, что игрушка начала выполнять свою воспитательно-образовательную роль с возникновением цивилизации. У народов Севера, как и у многих других этносов существовали формы и типы игрушек, связанные на протяжении многих веков с традиционным образом жизни.

Говоря об игрушках северных этносов и, в частности, хантыйского народа, мы считаем, что игрушки этих народов имеют огромный социально-этнический интерес, потому что они раскрывают особенности развития и формирования ребенка аборигена российского Севера. Изучение этих традиций должно иметь большое значение для современного воспитательно-образовательного процесса как национальных ДОУ, так и национальных начальных школ.

К сожалению, за последние годы в научно-педагогической литературе об игрушках вообще и тем более – об игрушке народов Севера, уделяется совершенно мало внимания. Несмотря на то, что детская игрушка – это особая область психо-педагогического воздействия на развитие и формирование личности ребенка, которая нуждается и в особом ее изучении. Подтверждая «великую» роль игрушки на развитие ребенка В. Малахьева-Мирович [1, с. 145–146] считает, что с первым пробуждением у ребенка сознания, одним из основополагающих факторов его развития, являлась игрушка, которая для ребенка «не-что неизмеримо более важное, чем для нас любая из наших вещей». Ребенок, прежде всего ценит в игрушке притягательный магнетизм с ее неопишуемой волшебностью, интимностью неведомого, прекрасного и завораживающего мира, в который он пришел. Характерно, что этим жизненным талисманом может быть любой кнутик из палочки и шнурка, который вмиг способен пре-

вратиться у ребенка в змею, в лошадь, в ружье. Трудно себе вообразить, во что он способен обратиться благодаря фантазии играющих детей. Настолько велика эта фантазия, что ребенок превращает любимую игрушку в очеловечившееся существо или животное, или в любой предмет, который в большей степени привлекает внимание ребенка на данном этапе его развития.

Рассматривая игрушки детей и подростков народа ханты, мы, видимо, должны полностью согласиться с выводами П. М. Оберталлера [2, с. 42], который считал, «что игрушки, которыми играют дети народов Севера являются результатом творчества детей и лишь до известной степени взрослых, отражают тот своеобразный мир, в котором растет и развивается северный ребенок, здесь отражается (в весьма своеобразном преломлении) действительность окружающей ребенка среды».

Говоря о роли взрослых в направлении воспитания детей посредством предложенных игрушек, можно констатировать, что у народов Севера, в том числе и у хантов, дети которых проводят много времени среди окружающей природы, почти не нуждаясь в указаниях взрослых, чем им заняться. Материалы для игрушек им щедро поставляют лес, тундра, река. Из разнообразного природного материала дети сами изготавливают свои игрушки, импровизируя с этим подсобным материалом. И что характерно, там, где дети растут и развиваются на природе и в окружении природы, там дети намного самостоятельней в своих поступках и, конечно, в играх. Они свободно развивают свои природные способности, склонность к творчеству.

Известный исследователь игрушек народов мира В. Харузина [3, с. 88] считает, что игрушка не только предмет, изготовленный со специальной целью доставить тем или иным путем забаву. В руках обладающих живой фантазией детей, отмечает она, самые разнообразные, самые незначительные на иной взгляд предметы обращаются в игрушку.

Ребенок, заключает она, раздвигает произвольно рамки окружающего мира, творит себе из всего забаву, утеху и близкие сердцу предметы и существа.

Мы ранее отмечали, что ребенок намного чувствительнее относится к самодельной игрушке, чем к изготовленной ему кем-то, и особенно ярко проявляется тяга к самостоятельности у детей народа ханты, которых в большей степени воспитывает и образует сама реальность, сама жизнь. Поэтому видимо у детей северных этносов в большей степени проявляется творчество, чем у более цивилизованных, так как у них есть два главных условия для развития творческих сил ребенка – это свобода и самостоятельность, что можно сравнить с воздухом, водой и светом для растений или человеческой души. Вот почему самодельные игрушки у народов Севера не дают, как считает В. Малахи-

ева-Мирович «заснуть духовным силам ребенка, упражняясь, эти силы развиваются и растут – и не только для сотворения игрушек растут, а и для созидания самой будущей личности человеческой, так как в творчестве, хотя бы направленном на игрушки, усиливается процесс ассимиляции нужного для души и отбрасывания ненужного и организуются будущие формы ее отношения к миру» [1, с. 156]. Через свое творчество в игре и с игрушкой ребенок постигает окружающий мир не путем холодного анализа и отвлеченного мышления, а через собственный, живой опыт. Поэтому совершенно права В. Харузина [2, с. 102], когда детскую игрушку причислила к свободному творчеству детей. К этому мнению присоединяется и Н. Д. Бартрам [4, с. 237], считая, что «самодельная игрушка развивает у малышей главнейший двигатель жизни – творчество, а у подростков, кроме того, может служить начатком ряда ремесел», при этом ребенок сможет овладеть разными производственными процессами при ее изготовлении. К сказанному присоединяется и А. Н. Рейнсон-Правдин [5, с. 129], отмечая, что игрушки-модели как нельзя лучше служили пособиями при примитивных формах наглядного обучения обращению с оружием и орудиями труда.

Что же представляли игрушки хантыйских детей? Этот вопрос достаточно серьезный, который имеет неоднозначное трактование в научной литературе, особенно с позиции педагогики и психологии. Так, для мальчиков пимских хантов Сургутского района, отмечает С. М. Лумпова [6, с. 30], игрушки делались отцами или дедушками. Это были «миниатюрные загоны для оленей, заборы и ловушки для ловли рыбы, выструганные из дерева ружья, жерди для игрушечного, но сохраняющего все особенности настоящего чума, миниатюрные обласа». Интерес вызывают и фигурки оленей пимских хантов, которые изготавливались на «одном дыхании»: от туловища (надрезанной щепы) отгибаются ножки, хвостик, шея, голова и далее – ветвистая крона рогов. Каждый игрушечный олень имел свои особенности – один со сломанным рогом, другой – вообще сбросил рога, а такие в стаде всегда были, были и важенки, и маленькие оленята. Пимские ханты, утверждает С. М. Лумпова [6, с. 30], инвентарь для игр делают из дерева – из сосны или кедра, и перечисляет их – это палки различной длины, мячи из березового гриба, ходули из толстых веток березы или черемухи длиной до двух метров с сучками на высоте около 50 см для упора ногами, лук и стрелы, березовые диски. Из корней кедра растущего на болоте плетут мячи, так как корни такого кедра гибкие. Изучая игрушки детей обского севера, И. Гудков [7, с. 25] встретил у хантыйских мальчиков «фигурки оленей и нарты всех видов, сделанные из лучинок или выточенные из мамонтовой кости, оленью запряжку из кожи, «тынзяны» для ловли диких оленей, свитые из мочалы или из сыромятного ремня». Как он утверждает, дети из хлебного мя-

киша или глины очень искусно лепили фигурки оленей и северных лаек, этих незаменимых друзей полярного охотника и оленевода. Хантыйские игрушки, считает И. Гудков, отражают быт и хозяйственную деятельность этого народа. Тематика игрушек и их игровое содержание воспроизводят занятия взрослых. Далее он причисляет к игрушкам охотничьего характера фигурки птиц и зверей, ружье, луки со стрелами, силки на птицу и зверя, а с рыболовством связаны весла, удочки с самодельными крючками из булавок или проволоки, сети, сделанные из куска старой мережи, вешала для просушки невода и копчения на солнце рыбы. Сюда также он относит игрушки, встречающиеся у кондинских ханты, это «худьвязка» – рыба вязка, взрослые вяжут ею сушеную рыбу. У детей рыбу заменяют древесные гнилушки. Все игрушки служат, как он считает, средством подготовки ребенка для будущей деятельности охотника-оленевода и рыболова [7, с. 26].

Игрушка присутствует у народов Севера с первых дней жизни младенца. Для этой категории младенцев родители или старшие братья, сестры делают примитивные игрушки, в первую очередь, отмечает И. Гудков [7, с. 26], различные погремушки: из бересты и речных камешков, из кости животного (оленья, лося), из зоба тетерева с вложенными туда дробинками. Концы горла соединяются и искусно сшиваются оленьими нитками. Погремушки делали из высушенного птичьего пузыря, в которой положено несколько камешков. К игрушкам относились бусы из рыбьих позвонков, нанизанные на нитку или выточенные из дерева.

Вторую группу игрушек, как считает И. Гудков, создают дети. Он видел двух игрушечных коров, сделанных хунтами. В первом случае это был маленький пенек сосны с четырьмя корешками, изображавшими ноги, во втором случае – корова была представлена куском дерева с пятью сучками, из которых четыре изображали ноги, а пятый – короткий хвост. Более старшие дети делают и более сложные игрушки для себя, которые И. Гудков причисляет к художественным. Они отличаются поразительным реализмом выполнения отдельных деталей. Чувствуется огромное стремление сделать игрушку похожей на изображаемый предмет. В то же время игрушка народа ханты тесно связана с орнаментальным искусством своего народа. Орнаментика имеет большое влияние на детскую фантазию и своеобразно отражается в самой игрушке.

У детей юганских ханты, пишут И. В. Ильина, Е. П. Мартынова игрушки были изготовленные из природного материала: «гирлянды из белых хвостиков, погремушки из птичьего пузыря, шкурки и лапки животных, разноцветные птичьи перышки. Из утиных и гусиных клювов, прикрепляя к ним птичьи ключицы, делают игрушечных оленей, из оленьих бабок составляют упряжки с нартами» [8, с. 226–227]. Взрослые, как считают авторы, с удовольствием вы-

резают для детей фигурки птиц и животных, рассказывая при этом о повадках и особенностях вырезанных животных. Игрушками, как и в подвижные игры, играют мальчики и девочки, но с возрастом их интересы расходятся, детский коллектив в играх делится. Для мальчиков, продолжают исследователи характерны игры, связанные с оленеводством и охотой – «в укромных местах они устраивают игрушечные промысловые угодья с миниатюрными ловушками и олени пастбища с оленьими домиками, стадами оленей, дымокурами» [8, с. 226–227]. Мальчики имеют при себе всегда миниатюрные арканы и луки со стрелами, что способствует частым упражнениям во время игр в стрельбе по цели. Взрослые с охотой отдают для игр старую упряжь, куски рыболовной сети и всячески поощряют своих детей в стремлении изготавливать игрушки.

Известный ученый-этнограф в области декоративного искусства народов Севера С. В. Иванов [9, с. 17] также отмечает, что дети хантов играли вырезанными из дерева небольшими изображениями оленей, коней, птиц и др. Эти игрушки им изготавливали как взрослые, так и они сами. К игрушкам автор причисляет и маленькие луки и стрелы, лодочки с веслами, нарточки, сверла с тетивой и насаженным на сверло кругом (реликтовая форма, повторяющая вышедший из употребления лучковый снаряд для добывания огня путем трения), маленькие *чумашки* из бересты и другие предметы домашнего и промыслового обихода. Все эти игрушки приучали детей к труду, знакомили с орудиями труда, учили уходу за детьми. Изображения животных, по мнению С. В. Иванова, развивали в детях интерес к природе.

Мы уже неоднократно отмечали, что большая часть игрушек у хантских детей изготавливалась самостоятельно. И в этом аспекте хотелось бы привести суждение В. Малахией-Миронич, которое, по нашему мнению, актуально и по сей день. Вот что она пишет: «Игрушки, сделанные ребенком по своему усмотрению, по своему вдохновению, с затратой собственных умственных и физических сил, становятся из мертвых вещей живыми друзьями ребенка, свидетелями его вкусов, увлечений и всего пути его развития» [1, с. 155]. Такая игрушка, продолжает она, хороша еще тем, что не только не подавляет в ребенке охоты к самостоятельности, к творчеству, но и служит как бы импульсом к этому, подсказывая разнообразие подходов к ее изготовлению, что вызывает у ребенка эмоциональные чувства в достижимости своих творческих притязаний.

У народов Севера и, в частности, у хантов по игрушке очень четко просматривается половозрастное разделение труда в быту. Как мы уже отмечали, значительная группа игрушек характеризует игровую деятельность мальчиков, будущих промысловиков, оленеводов, наследников хозяйственной деятельности отца. Внутри этой группы, по утверждению А. Н. Рейнсона-Правдина

[5, с. 113] игрушки делятся на три раздела: это игрушки мальчика-охотника, мальчика-оленевода и мальчика-рыболова (см. рис. 1). Предназначенность к той или иной категории игрушек и дает возможность значительно лучше и быстрее познать детям производственную деятельность отца, своего народа, приобщить к физическому и трудовому совершенству. Таким образом, игрушка мальчика заключает в себе определенный воспитательно-образовательный комплекс, а именно: выступает основным фактором и средством в подготовке ребенка с раннего возраста к традиционному труду своих предков, требовавшего длительного, постепенного развития нужных качеств и привития специальных навыков у детей, посредством игрушки ребенок приобретал личный живой опыт, который позволял ему яснее и полнее представлять себе реальный окружающий мир своего народа-ханты. Однако, В. Д. Эльконин в своем фундаментальном труде «Психология игры» не согласен с мнением А. Н. Рейнсона-Правдина, причисляющего детские промысловые средства (нож, лук, стрелы, нарты, лыжи, аркан и др.) к детским игрушкам. Он категорически выступает против этого, объясняя это тем, что «это не игрушки, а предметы обихода, употреблением которых ребенок должен овладевать возможно раньше и которыми он овладевает, практически используя их так же, как взрослые» [9, с. 57]. В данной работе, мы не будем вступать в полемику с уважаемым нами В. Д. Элькониным по данному мнению, а свою точку зрения выскажем, и попытаемся обосновать, в дальнейших работах по этнической педагогике физического воспитания народов Севера.

Основной игрушкой для девочек народа ханты была кукла – *акань* (см. рис. 2). Куклы делали мать, бабушка или старшая сестра, а затем, когда девочка становилась старше, она сама уже изготавливала себе куклы, одежду и украшения для кукол, при этом постепенно обучаясь всем тонкостям швейного дела. В кукле, как и во всех игрушках, поражает стремление девочки к точной передаче мельчайших деталей, которые характеризовали национальную или хозяйственную принадлежность.

Особенность кукол ханты – полное отсутствие изображения лица, безрукость и безноготь. Такую особенность хантыйских кукол С. М. Лумпова объясняет тем, что «злая сила может вселиться в игрушку, которая должна оберегать ребенка» [6, с. 31].

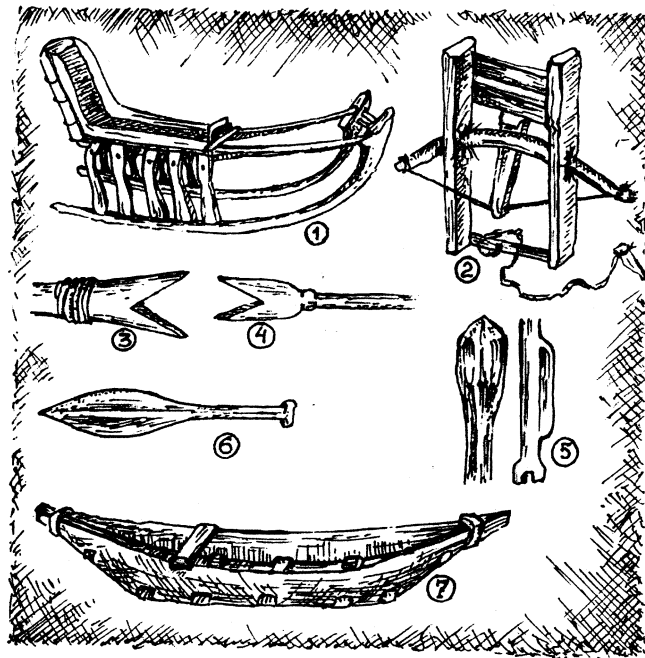

Рис. 1. Игрушки

Рис. 2. Куклы

Отсутствие у куклы лица, по мнению В. Харузиной [6, с. 130], было вызвано очевидно боязнью сделать куклу похожей на изображение духа. Она замечает, что приделывание лица, даже грубое и едва намеченное, считалось совершенно непозволительным и кощунственным, а играть и забавляться такой куклой – тяжким грехом. Обезличенность хантыйской игрушки А. Головнев, С. Лезова [11, с. 53] объясняют таким образом: если игрушка с глазами останется без присмотра или потеряется в лесу, в нее вселится злой дух, и она превратится во вредоносное существо *пэчак*. С такой куклой детям опасно играть далеко от дома или в темноте, их может подстеречь нечистая сила. В свою очередь, В. Гур-Гуревич [12, с. 59] обычай хантов не надевать кукол лицом объясняет их верой в то, что наделив куклу лицом, можно причинить вред ребенку.

Давая объяснение столь интересному факту как безноготь, безрукость и безликость хантыйских кукол, А. Н. Рейнсон-Правдин [5, с. 120] считает, что такая кукла как бы скрывает, замаскировывает характерные черты человеческого тела простым куском сукна или свертком тряпок. Замена детального изображения человеческого тела, лишенного рук, ног и лица, все это не случайное явление, а вполне сознательное установление формы куклы, обусловленное мировоззрением обских народов, в том числе и хантов. Он отмечает, что сознательный увод куклы в сторону от человеческого изображения являлся вполне понятным актом со стороны человека-анимиста, боявшегося слишком подробной разработки куклы, чтобы она не могла иметь вид очеловечившийся, и тем самым может быть наделена сверхъестественной силой. Безноготь, безрукость и безликость – это не что иное, как религиозные запреты на изображение лица, рук и ног.

В то же время у салымских хантов (южных), по мнению Н. Новиковой [13, с. 51], кукла играла роль эстетических плясок медвежьего праздника, выполняя при этом роль театра и постепенно утрачивая религиозное значение.

У некоторых хантов, проживающих в разных местах на Салыме, Васюгане, куклы имели птичьи клювы. Такое употребление птичьего клюва в кукле А. Н. Рейнсон-Правдин рассматривает как приобщение девочек к плодовитости, «поскольку, по представлениям хантов, гусь или утка символизировали женщину, а вместе с ней деторождение» [5, с. 122].

Бытовали и другие куклы, которые были распространены у восточной группы хантов. Лица у этих кукол отсутствовали, однако компенсируя это, их всячески старались украсить ленточками, бусами, бисером, а их одежду сделать во всем похожей на настоящую (см. рис. 3).

Каждая девочка имела набор игрушечной утвари – маленькие сумочки и мешочки для хранения кукольной одежды, украшений, подушки, одеяльца, берестяные коробочки, деревянную посуду и др. В играх дети, как девочки,

так и мальчики, воспроизводят различные сценки из повседневной и праздничной жизни хантов.

Игрушки девочек тесно связаны с семейно-хозяйственным бытом хантыйского народа. У девочек хантов встречаются, как замечает И. Гудков [7, с. 26], не только куклы-акань, но и незатейливая домашняя утварь, и посуда: ступы и песты, которые служат для толчения *порсы* (муки, сделанной из сушеной мелкой рыбешки); деревянные колотушки для расколачивания оленьих сухожилий при изготовлении из них ниток; берестяные кузовки, служащие детям одновременно в качестве игрушек и сосудов для сбора ягод и хранения рыбьего жира. Совершенно прав В. Попов [14, с. 24], говоря, что у детей народов Севера игрушкой становится то, что попадает под руку, что дают кочевая жизнь, охотничий, рыболовный промыслы и оленеводство.

Что же давала игра в куклы хантыйским девочкам? Весьма аргументированно высказывает свое суждение по этому поводу В. Харузина [3, с. 121–122]. Она пишет: «Область обрядовой и серьезной деятельности и область забавы иногда близко соприкасаются. И это сближение хорошо отражено в игрушке, а именно, в кукле. Мы привыкли считать куклу предметом забавы для девочек, над которой она проявляет первый проблеск врожденного материнского инстинкта», но, как она считает, куклы играют и другую роль. И эта роль заключается в следующем – девушки и женщины хранят куклы с определенной целью: они даже когда употребляются в игре, обеспечивают женщине, по их поверью, возможность иметь детей. Таким образом, можно сказать, что раньше народы Севера, как и другие народы мира, куклу использовали как магическое средство вызвать появление на свет детей. С другой стороны, роль куклы для девочки была настолько существенна, что способствовала воспитанию будущей хозяйки домашнего очага. Из этого вытекает, что игрушка-кукла подготавливала девочку к роли не только будущей матери, но и к роли хозяйки, «женщины – плечедержательницы чума», как считает И. Гудков [7, с. 26]. У хантов бытовало мнение, и достаточно устойчивое, что девочка, умеющая хорошо лепить и шить игрушки, впоследствии вырастает в хорошую хозяйку. Поэтому при сватовстве ханты о невесте судили по ее детским и юношеским работам, в том числе и по изготовленным ею игрушкам.

Проанализировав использование разными народами Севера игрушек, в частности, кукол, А. А. Малыгина [15, с. 203] пришла к выводу, что наибольшее внимание обучению девочек домашней работе в процессе игр с куклами уделяется оленеводами, а также рыболовами Амура и Оби, то есть хантами и манси. Она делает и другой вывод-заключение, что «в играх с куклами для девочек основным являлось не получение производственных навыков по шитью одежды, изготовлению украшений, а включение их в сложную символиче-

скую систему путем познания социальных аспектов внутрисемейных отношений, выделение половозрастных функций». С этим утверждением можно и согласиться, и поспорить, так как хантыйская кукла – это сгусток этнической универсальной системы воспитания и обучения детей-девочек. И в этом плане, подтверждая наше мнение, П. М. Оберталлер [2, с. 49], рассуждая о хантыйских куклах, пишет, что в играх дети не только воспроизводят повседневную жизнь окружающих, но и вносят много своего, придуманного, воображаемого или остро подмеченное в жизнедеятельности своей семьи. Так рождаются новые элементы, отдельные переживания некоторых событий. С другой стороны, В. Малахиева-Мирович [15, с. 159] несколько более широко раскрывает воспитательно-образовательную значимость игрушки для детского организма. Она пишет, что «когда ребенок переходит от простых игрушек к более сложным, он постепенно усиливает свое внимание и терпение, а так же развивается и общая его трудоспособность». Естественно, когда ребенок сам принимает участие в создании своей игрушки, он обязательно начинает проявлять наблюдательность, выбирать наиболее типичные черты и вообще не проходить мимо того, что привлекает его внимание, что красиво и эстетично. Как считает В. Малахиева-Мирович, все это закладывает начало другой душевной потребности – пытливости. А нахождение среди природы способствует развитию любви и бережному отношению к ней, что будет формировать здоровую нравственность ребенка и подростка.

Конечно прав А. Н. Рейнсон-Правдин, когда он говорит, что главное назначение игрушки – «служить образцом для самостоятельного творчества» [5, с. 114], и это проявляется особенно остро, когда ребенок, например, начинает мастерить ловушку сам, стараясь осмыслить и освоить технику изготовления данного предмета, он стремится всеми силами овладеть этим производством.

Нельзя не назвать и другую функцию игрушки – это передача с ее помощью традиций национального бытового искусства, художественного оформления вещи. Например, угадывание животных форм в орнаменте и украшении собственных игрушек фактически превращает работу в игру, имеющую большое значение и дающую благотворные результаты для развития у детей художественного вкуса и умения. Большинство игрушек народа ханты – это уменьшенные копии орудий и предметов домашнего и промыслового обихода и деятельности. Все это говорит о том, что игрушки народа ханты являются не только средством развлечения и вхождения во взрослую жизнь, но и орудием воспитательного воздействия. Отмечая значимость игрушек для детей, В. Попов [15, с. 25] считает, что игрушки формируют детские ощущения, они дают детям первое познание жизни, человеческих отношений, человеческих воз-

возможностей и многое другое. Игрушка, таким образом, является и носителем информации, и развивает эмоциональную сферу играющего.

Спорное положение выдвигает А. А. Малыгина [15, с. 205], изучая игрушки народов Сибири. Ее вывод заключается в том, что «игрушки, изображающие животных, не имеют отношения к трудовому производственному воспитанию детей (олень, лось, птицы, медведь и др.)». Скорее, как она считает, «они являются элементом приобщения детей к ценностям духовной культуры народа, так как, если животное и не используется в повседневной хозяйственной деятельности, то зачастую его образ занимает определенное место в системе космологических и мифологических представлений того или иного народа». Нам кажется, что такое заключение неправомерно, так как даже опосредованно вид животного не только используется в хозяйственной деятельности, но и употребляемого в пищу, вызывает у ребенка неоспоримый интерес с точки зрения овладением его, а это – знания повадок, умение читать следы зверей и животных, как к нему подступиться во время охоты и многое другое, это как раз и есть производственное воспитание. Наше мнение полностью согласуется с мнением А. Н. Рейнсон-Правдина [5, с. 113] о том, что животное всегда привлекало внимание ребенка к себе, хантыйский ребенок видел, что то или иное животное принимает участие в производственной деятельности его семьи. Перед его родителями всегда стояла сложная задача – как овладеть этим животным, как его добыть, все это требовало постоянного напряжения, внимания и, конечно, хорошего, если не отличного знания повадок того или иного животного-зверя, для более успешной охоты на него. Отсюда постоянный интерес к тому или иному животному не только со стороны взрослых, но и детей, которые очень рано усваивали и эту часть знаний и сложностей промысловой жизнедеятельности родителей. Все это дети воспроизводили или старались воспроизвести в игре с игрушками, изображавшими животных.

Таким образом, можно вполне утвердительно сказать, что национальная хантыйская игрушка – это душа народа, это капля живой воды, это чистота помыслов, это эффективное средство, развивающее в детской душе чувственное отношение к окружающему миру и способствующая личностному творчеству, воспитанию, самовоспитанию и подготовке к жизни своего народа. Ее воспитательно-образовательная роль на ребенка неиссякаема, а для народа ханты она всегда была востребована специфическим (оленоводство, охота, рыбная ловля) образом жизни. Историческая трансляция молодому поколению этнического самосознания и предметно-духовного восприятия окружающей среды, позволяло народу ханты, сохранить и передать этим поколениям многие традиции самобытной культуры своего этноса, что делало их жизнеспособными к суровым тяготам севера.

Литература

1. Малахиева-Мирович В. Воспитательное значение игрушки / Игрушка, ее история и значение. – М., 1912.
2. Обертгаллер П. М. Материалы о хантыйских куклах // СЭ, 1935, № 3.
3. Харузина В. Игрушки у малочисленных народов / Игрушка, ее история и значение. – М., 1912.
4. Бартрам Н. Д. Игрушка и начатки ручного труда / Игрушка, ее история и значение. – М., 1912.
5. Рейнсон-Правдин А. Н. Игра и игрушка народов Обского Севера: социальные корни игры // СЭ, 1949, № 3.
6. Лумпова С. М. Изготовление игрушек у пимских хантов Сургутского района // Краеведческие чтения посвященные 25-летию г. Нижневартовска, 22–23 апреля 1997 года. – 1997.
7. Гудков И. Игрушка детей Обского Севера // Игрушка, 1939, № 1.
8. Ильина И. В., Мартынова Е. П. Ребенок в традиционной культуре юганских хантов / Сибирский этнографический сборник № 8 / Народы Сибири. – М., 1997.
9. Иванов С. В. Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половине XX в. – Л., 1970.
10. Эльконин Д. Б. Психология игры. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999.
11. Головнев А., Лезова С. Игра // Северные просторы, 1994, № 2.
12. Гур-Гуревич В. Организация досуга в Северной национальной школе. – М.-Л., 1935.
13. Новикова Н. Таинство куклы // Северные просторы, 1995, № 6.
14. Попов В. Первое познание жизни / Игрушка, 1939, № 2.
15. Малыгина А. А. Мир детства у народов Сибири / Сб. «Экология этнических культур Сибири накануне XXI века». – СПб., 1995.